

Слава ПОЛУНИН:

Новос. правда, -1993, -3 июля - с. 8.

Клоуна нельзя уважать, его надо любить

Вот на сцене нелепый человечек в цыплячьего цвета несуразном балахоне. Этого человечка, впрочем, как и его балахон, знают полмира. Он — лицедей, Слава Полунин. Но, странно, он давно уже не привычный «ас-сией».

Оказывается, балахон его вовсе не цыплячьего цвета — цвета майских олуванчиков. Или цвета сумасшедшего дома, — кому как больше нравится.

Вот он сидит на сцене. И рожи не строит, и публику не смешит. Только что обидел своего друга, и друг ушел. Зачем обидел? Но зато как старался...

Какой же это клоун, если сердце шемит? Если одуванчик безумно одинок. И в зале — тишина мертвецкая. Публика сидит на спектакле, у которого даже нет названия. Почему?

Полунин, без грима неузнаваемый, старательно морщит лоб:

— Все спектакли, которые я делаю, выходят к публике раньше, чем обретают окончательную форму. Чтобы появилось название, мне нужен зритель.

— Ваш новый спектакль слишком уж непривычен. Своей законченной философией, наверное. Откуда это?

— Вначале был мим Слава Полунин. Из мима он превратился в клоуна и посвятил этому десять лет. И все десять лет я искал душу этого спектакля. Искал в театре абсурда, в уличном театре, в карнавале. Все, что я собирал там по зернышку, воплотилось в спектакле.

— К такому Полунину зритель еще не привык.

— Наверное. Станный он какой-то: застенчивый и одновременно бесшабашный. Подлый и благородный. Он один — во всех, а все — в нем одном.

— Вас никто никогда не сравнивал с Чаплином?

— Кажется, нет. Но дело

в том, что своим учителем я как раз считаю Чаплина. И еще Леонида Енгибарова. Чаплин создал, а Енгибаров развил образ грустного, даже трагического клоуна. Я люблю этот образ.

Еще в «Лицедеях», в театре пантомимы, мы старались показать отражение не наших лиц, а наших душ. И появился целый мир этих глупых, смешных, нежных существ. А теперь мне захотелось решить более сложную задачу: сыграть этот многоликий мир, оставшись на сцене в единственном лице.

Станный он, этот мир Полунина. И спектакль... На самом деле их два, этих спектакля. Один — полунинское соло. Второй — дуэт. С одним из лучших клоунов России, Сергеем Шапалевым. С глухонемым клоуном. И есть еще музыка.

— Мелодии я собирал десять лет. Если в год найду одну, то считаю этот год удачным. Непривычные сокрови-

ща, да? Скажете, я сумасшедший? Но еще Чаплин говорил: «Стоит потратить годы усилий, чтобы создать минуту красоты».

— Ваша маска клоуна не мешает вам в жизни?

— Нет. Это как два лица одного человека. Одно — то, что он есть в жизни. Другое — то, что этот человек о себе мечтает. И неизвестно, какое лицо более реально.

— Вас узнают без «маски»?

— В Питере, конечно, узнают. Все-таки столько лет я живу в этом городе... А вообще я не тщеславный человек.

— Это заметно хотя бы потому, что вас невозможно встретить на светских «тусовках».

— Я не люблю их, я теряюсь там. Потому что от меня ждут чего-то неожиданного. Но одно дело — сцена, другое — жизнь.

— Наверное, поэтому вас невозможно обвинить в «наработанных» приемах, вызывающих у зрителей то смех, то комок в горле.

— При чем здесь отработанные приемы? Я наблюдаю за детьми и думаю: почему мне хочется расплыться в улыбке, глядя на них? И через это понимание добавляю своему герою то наивности, то иногда, неосознанной жестокости. Клоун — тот же ребенок, это общеизвестно.

— Вам уже за сорок. И до сих пор вы для всех — просто Слава. Не обижаетесь?

— Наоборот. Даже борюсь, если меня пытаются называть по отчеству.

— Почему?

— Меня пытаются уважать. А клоуна нельзя уважать. Его нужно просто любить.

И последнее. Премьера спектакля, у которого еще нет названия, состоится в Москве, 20 ноября. Печальный клоун появится в Петербурге, а оттуда уедет в Лондон.

Мария АНДРЕЕВА,
Серафим БЕРЕСТОВ.

